

УДК 821.161.1.1 (Русская литература)

**«НЕ ЗНАЛ И НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА»:
РУССКИЙ МУЖИК В ВОСПРИЯТИИ А.П. ЧЕХОВА И Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО**

© 2026 М. А. Перепелкин

Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 20.04.2026

В статье рассматривается творческий диалог между писателями-современниками А.П. Чеховым и Н.Г. Гариним-Михайловским, длившийся примерно в течение десятилетия и прошедший несколько этапов. Началом данного диалога стал гаринский цикл очерков «Несколько лет в деревне», написанный по следам социально-экономического краха, ставшего результатом сельскохозяйственной деятельности автора цикла. Убедившись в своем непонимании мужика, выступившего яростным противником реформаторской деятельности барина, писатель, бывший некогда сельским хозяином, Н.Г. Гарин-Михайловский на протяжении многих лет разгадывал мужицкую «загадку», ставшую причиной его помещичьего фиаско, и завершил свой цикл констатацией этого непонимания. Книга Н.Г. Гарина-Михайловского, внимательно прочитанная А.П. Чеховым, вдохновила последнего на создание ряда произведений народной тематики, которые сближает мотив потери веры в Бога, ставший первой и главной причиной одичания мужика. В свою очередь под влиянием чеховских повестей и рассказов о мужиках и деревне Гариним-Михайловским была написана «Деревенская драма» (1904), автор которой, благодаря Чехову, пришел к выводу, что никакой загадки в мужике нет, и последним в его поступках и действиях руководят преимущественно бытовой цинизм и стремление к выгоде. Именно они лежат в основе всех конфликтов в «Деревенской драме», ставшей итоговым произведением писателя.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Мужики», «В овраге», «Новая дача», Н. Г. Гарин-Михайловский, «Деревенская драма», конфликт, отсутствие тайны, безысходность существования, чеховское влияние

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-51-57

EDN: UNTREQ

Введение. Данная статья посвящена творческому диалогу писателей-современников Н.Г. Гарина-Михайловского и А.П. Чехова. Познакомившиеся вначале заочно, а потом и лично, писатели испытывали острый интерес к творчеству друг друга, внимательно читали произведения, находя в них ответы на собственные вопросы, делились размышлениями, спорили и соглашались.

История вопроса. Изначально отметим, что сама тема «Чехов и Гарин-Михайловский» в литературоведении – далеко не новая. Знакомство и непродолжительное общение двух писателей достаточно подробно освещалось биографами, мемуаристами и исследователями. Так, например, известно, что в июле 1903 г. в письме к К.С. Алексееву (Станиславскому) из Ялты А.П. Чехов сообщил, что «*видел инженера-писателя Михайловского-Гарина, который будет строить крымскую дорогу; он говорит, что будет писать пьесу*» [Чехов А.П., 1982, с. 236]. Вслед за этим имя инженера-писателя Н.Г. Михайловского будет не единожды фигурировать в письмах А.П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой, брат которой – Константин – был сослуживцем Н.Г. Михайловского и вместе с ним строил «крымскую дорогу», о которой говорилось выше [Чехов А. П., 1982, сс. 252, 254, 256-258, 262, 275, 279, 285, 297, 300, 301, 311. 312.]. О знакомстве А.П. Чехова и Н.Г. Гарина-Михайловского в своё время писала Ф.Ф. Вентцель, знавшая последнего ещё по общению с ним в Самаре в 1890-х гг., а с А.П. Чеховым познакомившаяся уже в Ялте, через Н.Г. Гарина-Михайловского [Гарин-Михайловский Н.Г., 1983, с. 160-166]. Наконец, нельзя не упомянуть исследовательские работы И.М. Юдиной [Юдина И.М., с. 170-173], Г.М. Миронова [Миронов Г. М., с. 132-133] и К.Д. Гордович [Гордович К. Д., 1984, с. 4-46; Гордович К.Д., 2014, с. 260-273], а также документальную повесть Л.Н. Тыняновой «Неукротимый Гарин» [Тынянова Л.Н., с. 131-134], где была предпринята попытка осмысления недолгого, но продуктивного творческого взаимодействия между двумя художниками, которое возникло в

последний год жизни А.П. Чехова и продолжалось в течение нескольких месяцев; свой вклад в осмысление этого взаимодействия вносят и современные исследователи [Тютелова Л.Г., Иванова В.Н., с. 366-381]. Вместе с тем нельзя не отметить, что ключевой – крестьянский – вопрос, сближавший искания двух художников и заставлявший их пристально следить за поисками друг друга, до сих пор никогда не рассматривался исследователями, и таким образом настоящая статья представляет собой первый опыт постановки и решения данной проблемы применительно к творческому диалогу писателей-современников А.П. Чехова и Н.Г. Гарина-Михайловского.

Методы исследования: историко-функциональный, сравнительный и структурно-семиотический. Необходимость применения первого продиктована потребностью в осознании места художественных поисков Н.Г. Гарина-Михайловского в проблемном и эстетическом контексте эпохи, второй применяется для сравнительной характеристики текстов Н.Г. Гарина-Михайловского и А.П. Чехова, третий лежит в основе имманентного анализа каждого из текстов как художественной целостности.

Материал исследования: цикл очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне», неоконченная повесть и рассказы А.П. Чехова «Мужики», «Новая дача» и «В овраге», пьеса Н.Г. Гарина-Михайловского «Деревенская драма»

Результаты исследования. Известно, что, выйдя в 1883 г. в отставку со службы инженера-путейца, Н.Г. Гарин-Михайловский приобрел имение близ деревни Гундуровка Бугурусланского уезда Самарской губернии и, поселившись в имении с семьей, с увлечением занялся сельскохозяйственной деятельностью – сажал новые культуры, приобретал и внедрял в сельскохозяйственный процесс не применявшуюся до сих пор технику, продумывал новые пути транспортировки урожая и искал рынки его более выгодного сбыта, заботился о крестьянском быте и т. д. Однако итогом этой кипучей деятельности стало полное фиаско помещика Михайловского: сожженный крестьянами, он лишился практически всего собранного урожая и был вынужден поставить точку на хозяйствовании. Передав все дела по имению нанятому им управляющему, вчерашний помещик вернулся на железнодорожную службу, подробно изобразив опыт своего хозяйствования в цикле очерков «Несколько лет в деревне». Таким образом, эта книга – автобиографическая, и рассказывается на ее страницах о событиях, имевших место в первой половине 1880-х гг. и так подытоженных автором очерков с самых первых строк: *«Задавшись благими намерениями, я отправился в деревню хозяйничать, но потерпел фиаско. Несколько лет жизни, тяжёлый труд, дело, которое я горячо любил, десятки тысяч рублей, – всё это погибло, прахом пошло»* [Гарин-Михайловский Н.Г., 1957, с. 7]. Причины же этого «прахом пошло» и анализируются в очерках, рассказывающих о том, как герой, полный самых радужных надежд и намерений, усвершенствует техническую сторону ведения хозяйства, заботится о материальном благосостоянии и о здоровье крестьян, строит школу для крестьянских детей и т. д. В ответ на все эти шаги и заботу крестьяне жгут урожай, собранный помещиком, и возведённые им постройки, встают на защиту поджигателей и противятся любым новшествам. Отсюда и та растерянность, с которой остаётся герой повести в финале: *«Эта толпа была один человек... Я стоял перед этим человеком взволнованный, растроганный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...»* [Гарин-Михайловский Н.Г., 1957, с. 143].

Очерки «Несколько лет в деревне» увидели свет в журнале «Русская мысль» в 1892 г., а уже в 1894-м в журнале «Русское богатство» был опубликован ряд рассказов и очерков Н.Г. Гарина-Михайловского под общим названием «Деревенские панорамы», в которых писатель, по замечанию Г.М. Миронова, нарисовал «мрачнейшие, теневые стороны сельской жизни» [Миронов Г. М., с. 53], показав, как «“постылая деревенская жизнь”, рождающая в одних “сладкую покорность”, а в других чувство протеста и возмущения, предельно уродуя души тех, кто запродавал их дьяволу наживы, не в состоянии сломить сильных, целеустремлённых людей труда» [Миронов Г.М., с. 53]. С Г.М. Мироновым солидарна и И.М. Юдина, подчеркнувшая, что «изображая отрицательные стороны деревенской жизни, Гарин видел проявление в ней и сильных сторон национального характера» [Юдина И.М., с. 67]. Впрочем следует отметить, что последнее не только не приблизило Н.Г. Гарина-Михайловского к ответу на вопрос, вынесенный им в финальные строки «Несколько лет в деревне», но и сделало этот вопрос ещё более острым и открытым: кто этот «человек», отворачивающийся от своего благодетеля и неожиданно тяготеющий к нему же; что у него в сознании и в душе, где и в чём

на него можно полагаться, а где не следует этого делать? С каждым новым рассказом и очерком писатель не приближался к ответу на этот вопрос, а уходил от него всё дальше и дальше.

Характерна реакция А.П. Чехова на гаринские произведения о деревне. «Прочтите, пожалуйста, в Русской Мысли, март, “Несколько лет в деревне” Гарина, – писал он в А. С. Суворину 27 октября 1892 года. – Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка – сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй» [Чехов А.П., 1982, с. 125]. И несколько месяцев спустя – В.А. Гольцеву: «Здесь у пишущей публики имеет большой успех Гарин. О нем много говорят. Я пропагандирую его “Несколько лет в деревне”» [Чехов А.П., 1982, с. 148]. Как отмечали исследователи, А.П. Чехова привлекло в гаринских произведениях то, что «Гарин впервые после беллетристов-семидесятников изобразил деревню без всяких иллюзий, показал её “в сложной ситуации брожения”, рисовал крестьян людьми, “отчётливо представляющими себе непримиримость своих интересов с интересами помещика, с интересами кулака”, т. е. то, что отсутствовало в современной ему литературе о деревне» [Юдина И.М., с. 69].

Наконец, во второй половине 1890-х гг. уже самим А.П. Чеховым – не без влияния гаринских очерков «Несколько лет в деревне» [см. об этом: Си Динь, с. 81] – было написано несколько произведений на крестьянскую тему, в которых он попытался дать свой ответ на вопрос, давно занимавший Н.Г. Гарина-Михайловского: кто этот «человек», сопротивляющийся заботе о нём и стремящийся к тому, чтобы жить по-своему, по-своему понимающий счастье, ищущий свои пути к его достижению и к обретению Бога? На этот вопрос А.П. Чехов отвечает в незавершённой повести «Мужики» (1897), в рассказах «Новая дача» (1899) и «В овраге» (1900), и в некоторых других произведениях, показывая «весь ужас и безысходность существования человека в “задыхающемся”, непригодном для существования, мире» [Проваторова О.Н., с. 63].

Как справедливо отмечено исследователями, «три произведения – “Мужики”, “Новая дача”, “В овраге” – составляют своеобразную трилогию в позднем творчестве А. П. Чехова, объединенную неоднозначным развитием крестьянской темы. В них автор последовательно меняет ракурсы изображения народа. Если в “Мужиках” он выделил мотив дикости, невежества, беспросветной бедности и скудости жизни крестьян, то главная мысль “Новой дачи” – принципиальное разъединение интеллигенции и мужиков. В “В овраге” писатель уже показывает, что разрыв между этими сословиями усугубляется теми внутренними противоречиями, которые происходят в самой деревенской среде» [Си Динь, с. 82; см. также: Афанасьев Э.С.; Точиева Х.Ш., Цурова М.А.].

Меняя ракурсы изображения деревни и размышляя над вопросами, в чем следует искать причины ее одичания, А.П. Чехов избегал простых и однозначных ответов на эти вопросы, находя их как в социально-экономическом, так и в других планах. И здесь нельзя не согласиться со следующим выводом А. Собенникова и А. Арменкова, замечающих, что «“бедность” у Чехова не только социально-экономическая категория, это еще и “пограничная ситуация” <...> Но у Чехова даже в пограничной ситуации человеку нужен общий смысл, оправдывающий его существование» [Собенников А. С., Арменков А. А., с. 3]. С утратой этого «общего смысла», как нам представляется, и связан главный чеховский ответ на вопрос, с чего начинается одичание мужика, разучившегося верить в Бога. «Бога-то ведь все равно нет, мамаша», – произносит фальшивомонетчик Анисим Цыбукин, а потом, чуть смутившись, добавляет: «Бог, может, и есть, а только веры нет» [Чехов А.П., 1983, с. 423]. Начавшийся с утраты смысла – веры в Бога – процесс одичания мужика становится необратимым, и вот уже вчерашние крестьяне ожесточенно калечат детей и друг друга, беспричинно ненавидят тех, кто делает им добро, спиваются, совершают преступления и т. д. Завороженный загадкой, загаданной ему Н.Г. Гариним-Михайловским в повести «Несколько лет в деревне», А.П. Чехов разгадывает эту гаринскую загадку, разочарованно убеждаясь в том, что таинственный гаринский мужик – пуст, и эта пустота – чудовищная пустота бессмыслицы и безверия.

Пришлось и Н.Г. Гарину-Михайловскому, в свое время искавшему, но так и не нашедшему ответов на мучившие его вопросы, испытывать на себе чеховское влияние. Однако биографические особенности жизни и творческой деятельности Н.Г. Гарина-Михайловского не только не способствовали, но и подчас исключали возможность ведения дневников, регулярных записей творческого характера и т. п. В силу этого современный исследователь лишен возможности подкрепить свои предположения о знакомстве с чеховскими произведениями опорой на дневниковые записи и другие документы, но это совсем не исключает гипотезы о внимательном

чтении А.П. Чехова Н.Г. Гариним-Михайловским. Вместе с тем известно, что в 1892-97 гг. Н.Г. Гарин-Михайловский вместе с Е.М. Гаршиным и О.Н. Поповой (с 1892-го до середины 1895-го), а потом – с В.Г. Короленко (с середины 1895-го до апреля 1897-го) являлся соиздателем журнала «Русское богатство» (номинально издательницей значилась его супруга, Н.В. Михайловская), внимательно следил за новинками, публиковавшимися в том числе на страницах других журналов. Уже в силу этого логично предположить, что перечисленные выше чеховские рассказы, наряду с другими произведениями Антона Павловича, были внимательно прочитаны Н.Г. Гариним-Михайловским, который «среди писателей-современников особенно высоко ценил Чехова. Вдумываясь в чеховские произведения, Гарин проходил “школу” чуткого отношения к человеку, учился искусству в небольшом по объему произведении отражать сложные проблемы, характеры людей, их судьбы» [Гордович К.Д., 1984, с. 103].

Внимательно прочитав чеховские произведения, Н.Г. Гарин-Михайловский откликнулся на них «Деревенской драмой», о работе над которой рассказал писателю при первом же их знакомстве летом 1903 г., и в том же году гаринская пьеса увидела свет на страницах книги первой сборника товарищества «Знание» за 1903 г., наряду с андреевской «Жизнью Василия Фивейского», бунинским «Чернозёмом», горьковским «Человеком» и другими произведениями.

Гаринская драма состоит из четырёх действий, в каждом из которых реализуются несколько основных и сопроводительных линий. Так, в первом действии молодая крестьянка Настя, выданная замуж за хворого Николая, почти открыто изменяет ему с деревенским парнем Нефёдом, а другая крестьянка, Ирина, также неверна мужу, хилому и боязливому Степану, уединяясь с «молчаливым и загадочным» стариком Антоном. По случаю праздничного дня на деревенскую площадь сходится масса народа: привозят на тележке побирающуюся Христа ради бабушку Драчену, поют песни; готовящийся к завтрашнему базару торговец пробует решить свои дела и, между прочим, уговаривает юродивого взять милостыню, Степан просит мир заступиться за него и проводить с квартиры неугодного квартиранта, а мужики выторговывают у учителя платы за работу, и т. д. Второе и третье действия – короткие, но ёмкие и по событийной насыщенности, и по тому влиянию на сюжет пьесы, который далее развивается с учётом тех событий, происходящих в этих действиях: Настя и Нефёд убивают Николая, Антон вместе с Нефёдом – Степана. Наконец, в четвёртом действии собравшиеся у волостного правления мужики обсуждают земельные вопросы, прощаются с покидающей деревню Матрёной и т. д., а явившийся урядник объявляет Антону, что его поделщики – Ирина, Нефёд и Настя – рассказали об убийстве Степана. Присутствующие здесь же «поделщики» жалуются на то, что они были введены в заблуждение полицией, обещавшей им всем снисхождение, а Антон со словами «Жил, как хотел, и умру, как хочу. Оставайся, кому не надоело!» перерезает себе горло.

Всматриваясь в героев драмы, анализируя мотивы их поведения, принятых решений и совершённых ими поступков, Н.Г. Гарин-Михайловский возвращается к тому вопросу, который остался нерешённым им больше десяти лет назад: так кто же этот таинственный «человек», которого не сумел понять вчерашний инженер Михайловский, а нынешний писатель Гарин?

Например, Настя и её любовник Нефёд, вместе убивающие мужа Насти: что движет ими, и в чём они видят оправдание своего поступка? «Красивая, молодая, кровь с молоком» Настя, как характеризует её автор пьесы, считает виновными в своём нынешнем положении тех, кто выдал её замуж за нелюбимого ею человека («А кто срам устроил? Кто говорил: иди, или... <...> Был бы Нефёд мужем, не хуже людей жила бы») [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 151-152]). Ненавидя неласкового мужа, который у неё «Царство небесное отнял» [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 181], она согласна «только годик поцарствовать» с возлюбленным, «а там бы на богомолье, в Ерусалим, – всю бы жизнь замаливать стала» [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 179]. Преступление не останавливает её, так как, во-первых, она не считает себя единственной и главной виновницей содеянного (виноваты, по её мнению, все), а во-вторых, все грехи можно замолить. «Ласковый, молодой, увалень» [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 145]. Нефёд думает о грехе ещё меньше: то обстоятельство, что он женат и даже «любит сына», не останавливает его от измен жене с Настей, а на преступления он идёт легко и не задумываясь о каких-либо грехах и их замаливании. То есть главными причинами убийства становятся в одном случае обида на тех, кто подтолкнул к жизни с нелюбимым, а в другом –

простоватое желание не упустить того, что само подворачивается под руку, – причины сколько внешние, столько же и цинично-житейские, лишённые какой бы то ни было глубины и содержания.

Более глубокими кажутся на первый взгляд причины, подтолкнувшие к убийству Ирину и её сообщника Антона; о первой в афише говорится, что она – «хорошо сохранившаяся, ласковая», а о втором – что он «молчаливый, загадочный». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и первая, и второй идут на убийство мешающего им Степана с целями, в которых нет ничего загадочного и глубинного. Ирина, привыкшая к тому, что она «первая баба» на деревне, здраво оценивает ситуацию, понимая, что её время безвозвратно уходит, и решает освободиться от неблагодарного мужа («А Степан-то, Степан, за всю семнадцатилетнюю службу! Я ли ему не работница была? Моей работой и сам жил, и дом весь держался. Скотина семнадцать лет порботает и той почёт...») [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 172]), чтобы стать самостоятельной хозяйкой и свободной женщиной; «загадочному» же старику Антону хочется прибиться к миру, хоть бы и ценой чужой жизни. Таким образом, мотивы и причины, подтолкнувшие к убийству и эту пару, – бытовые, циничные и только кажутся глубокими и таинственными.

Бытовой цинизм лежит в основе и всех других событий, конфликтов, взаимоотношений в пьесе: деревенский парень Мишанька, не стесняясь, напоминает нищенке об «уговоре» («Полтину за то, что привёз да отвёз, а что на Чудотворной соберёшь завтра – пополам») [Гарин-Михайловский Н.Г., 1904, с. 152-153]), торговец сговаривается с Андреем о том, как тот «уделает» с мужиками его коммерческие интересы, староста, обманывая мир, вступает в сговор с приказчиком и т. д., и даже батюшка отказывает мужикам в разрешении работать в праздничные дни, так как это может обернуться финансовыми убытками для него. Никаких тайн и загадок здесь нет – есть только коммерческий расчёт, финансовая выгода и желание «обойти» конкурента.

Единственным носителем «тайны» в этой ситуации оказывается юродивый, первым являющийся к умершим и убитым, возвращающий деньги торговцу и т.д. Фигура юродивого в пьесе на первый взгляд кажется последним пристанищем смысла – особым образом «зашифрованного», нездешнего, иного. Но, увы, этот первый взгляд при внимательном рассмотрении этой фигуры оказывается ошибочным, а «тайна» юродивого безумной тайной, за которой нет и не может быть чего-то неочевидного и смыслоёмкого.

Выводы. Такой – профанированной и цинично-расчётливой – открылась мужицкая правда автору «Деревенской драмы», после прочтения произведений А.П. Чехова пришедшему к тому, что в «человеке», который представлялся ему загадкой в начале 1890-х гг., нет ничего загадочного или таинственного: именно такой была, может быть, и грустная, но – ясная правда, на которую А.П. Чехов открыл глаза своему сотоварищу по перу Н.Г. Гарину-Михайловскому.

Источники:

1. Гарин-Михайловский, Н. Г. Деревенская драма // Сборник товарищества «Знание» за 1903 год. – Выпуск 1. – СПб., 1904. – С. 143-208.
2. Гарин-Михайловский, Н. Г. Собрание сочинений: В 5 тт. – Том 3. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 656 с.
3. Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников. – Новосибирск, 1983. – 304 с.
4. Тынянова, Л. Н. Неукротимый Гарин. Повесть. – М.: Детская литература, 1974. – 143 с.
5. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. – Том 5. – М.: Наука, 1977. – 683 с.
6. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. – Том 11. – М.: Наука, 1982. – 720 с.
7. Чехов А. П. Повести. М.: Правда, 1983. – 448.

Литература:

1. Афанасьев, Э. С. Художественная интерпретация народной темы в повестях А. П. Чехова «Мужики» и «В овраге» // Русская словесность. – 2010. – № 1. – С. 8-14.
2. Гордович, К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники. – Хабаровск, 1984. – 138 с.
3. Гордович, К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество. – СПб.: Петроний, 2014. – 312 с.
4. Миронов, Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. – М.: Наука, 1965. – 160 с.
5. Проваторова, О. Н. Рассказы А. П. Чехова «Мужики», «В овраге» и проза о крестьянстве 1880-1890-х гг.: сходство и различие // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 1. – С. 56-63.
6. Си Динь. Крестьянская тема в позднем творчестве А. П. Чехова // Казанская наука. 2015. № 7. С. 81-83.

7. Собенников, А. С., Арменков, А. А. Повесть А. П. Чехова «Мужики»: к проблеме понимания художественного текста // Специальная техника и технологии транспорта. – 2020. – № 7 (45). – С. 327-332.
8. Точиева, Х. Ш., Цурова М. А. Деревенская тема в повестях «Мужики» и «В овраге» А. П. Чехова // Интернаука. 2022. – № 12-4 (235). – С. 18-19.
9. Тютелова, Л. Г., Иванова, В. Н. Н. Г. Гарин-Михайловский и А. П. Чехов: женский вопрос на рубеже веков в драме // Русское богатство Н. Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество – «самарский текст» – литературный контекст – восприятие. – Самара: Научно-технический центр: ИП Виролайнен И. В., 2024. – С. 366-381.
10. Юдина, И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность. – Л.: Наука, 1969. – 240 с.

**«I DIDN'T KNOW AND I DON'T KNOW THIS MAN»: RUSSIAN MAN IN PERCEPTION
A.P. CHEKHOV AND N.G. GARIN-MIKHAYLOVSKY**

© 2026 М. А. Perepelkin

*Mikhail A. Perepelkin, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature
and Public Relations*

E-mail: mperepelkin@mail.ru

*Samara National Research University
Samara, Russia*

The article examines N. G. Garin-Mikhailovsky's play «Village Drama», written under the influence of Chekhov's works about the village. Having once become convinced of his misunderstanding of the peasant, the former farmer and writer Garin-Mikhailovsky spent many years trying to solve the peasant «riddle» that became the cause of his economic collapse, but in the end, thanks to Chekhov, he came to the conclusion that there is no special riddle in the peasant, and the latter is guided mainly by everyday cynicism and the desire for profit. They are the basis of all the conflicts in the writer's final work – «Village Drama».

Keywords: A. P. Chekhov, N. G. Garin-Mikhailovsky, «Village Drama», conflict, lack of mystery, the hopelessness of existence, «Men», «In the Ravine», Chekhov's influence

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-51-57

EDN: UNTPEQ

Sources:

1. Garin-Mixajlovskij, N. G. Derevenskaya drama (Village drama) // Sbornik tovarishhestva «Znanie» za 1903 god. – Vy`pusk 1. – SPb., 1904. – S. 143-208.
2. Garin-Mixajlovskij, N. G. Sbranie sochinenij: V 5 tt. – Tom 3 (Collection of works: In 5 volumes. – Volume 3). – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1957. – 656 s.
3. N. G. Garin-Mixajlovskij v vospominaniyah sovremennikov (N. G. Garin-Mikhailovsky in the memories of contemporaries). – Novosibirsk, 1983. – 304 s.
4. Ty`nyanova, L. N. Neukrotimyj Garin. Povest` (The Indomitable Garin. A Story). – M.: Detskaya literatura, 1974. – 143 s.
5. Chexov, A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 tt. Pis`ma: V 12 tt. – Tom 5 (Complete Works and Letters: In 30 Volumes. Letters: In 12 Volumes. – Volume 5). – M.: Nauka, 1977. – 683 s.
6. Chexov, A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 tt. Pis`ma: V 12 tt. – Tom 11 (Complete Works and Letters: In 30 Volumes. Letters: In 12 Volumes. – Volume 11). – M.: Nauka, 1982. – 720 s.
7. Chexov, A. P. (Stories). – M.: Pravda, 1983. – 448.

References:

1. Afanas`ev, E`. S. Xudozhestvennaya interpretaciya narodnoj temy` v povestyax A. P. Chexova «Muzhiki» i «V ovrage» (Artistic interpretation of the folk theme in the stories of A. P. Chekhov “The Peasants” and “In the Ravine”) // Russkaya slovesnost`. – 2010. – No. 1. – P. 8-14.
2. Gordovich, K. D. N. G. Garin-Mikhaïlovskii i pisateli-sovremenniki (Garin-Mikhailovsky and contemporary writers). – Khabarovsk, 1984. – 138 p.
3. Gordovich, K. D. N. G. Garin-Mikhaïlovskii: lichnost' i tvorcestvo (Garin-Mikhailovsky: personality and creativity). – SPb.: Petronii, 2014. – 312 p.

4. Mironov, G. M. Poët neterpelivogo sozidaniia. N. G. Garin-Mikhaïlovskii. ZHizn'. Tvorchestvo. Obshchestvennaia deiatel'nost' (Poet of impatient creation. N. G. Garin-Mikhailovsky. Life. Creation. Social activities). – M.: Nauka, 1965. – 160 p.
5. Provatorova, O. N. Rasskazy A. P. Chekhova «Muzhiki», «V ovrage» i proza o krest'ianstve 1880-1890-kh gg.: skhodstvo i razlichie» (Stories by A. P. Chekhov's "Men", "In the Ravine" and prose about the peasantry of the 1880-1890s: similarities and differences") // Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – Vy`p. 1. – Pp. 56-63.
6. Si Din`. Krest`yanskaya tema v pozdnem tvorchestve A. P. Chexova (The Peasant Theme in the Late Works of A. P. Chekhov) // Kazanskaya nauka. – 2015. – Pp. 81-83.
7. Sobennikov, A. S., Armenkov, A. A. Povest` A. P. Chexova «Muzhiki»: k probleme ponimaniya xudozhestvennogo teksta (The Story of A. P. Chekhov "The Peasants": On the Problem of Understanding the Fictional Text) // Special`naya texnika i texnologii transporta. – 2020. – No. 7 (45). – Pp. 327-332.
8. Tochieva, X. Sh., Czurova M. A. Derevenskaya tema v povestyax «Muzhiki» i «V ovrage» A. P. Chexova (The Village Theme in the Stories "The Peasants" and "In the Ravine" by A. P. Chekhov) // Internauka. – 2022. – No. 12-4 (235). – Pp. 18-19.
9. Tiutelova, L. G., Ivanova, V. N. N. G. Garin-Mikhaïlovskii i A. P. Chekhov: zhenskii vopros na rubezhe vekov v drame (N. G. Garin-Mikhailovsky and A.P. Chekhov: the women's question at the turn of the century in drama) // Russkoe bogatstvo N. G. Garina-Mikhaïlovskogo: biografiia – tvorchestvo – «samarskii tekst» – literaturnyi kontekst – vospriiatie. – Samara: Nauchno-tekhnicheskii tšentr: IP Virolaïnen I.V., 2024. – Pp. 366-381.
10. Iudina, I. M. N. G. Garin-Mikhaïlovskii: zhizn' i literaturno-obshchestvennaia deiatel'nost' (N. G. Garin-Mikhailovsky: life and literary and social activities). – L.: Nauka, 1969. – 240 p.